

УДК 81:39 (=512.31)

doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-242-249

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БУРЯТ С ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИМИ И ЯКУТСКИМ ЭТНОСАМИ
(ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

© **Золхоев Борис Валентинович**

кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: boriszolkhоеv@gmail.com

В статье исследуются вопросы появления протомонгольских этнических групп в Байкальском регионе, проанализированы культурно-исторические процессы в среде степного и таежного населения Прибайкалья. Подробно рассмотрены особенности формирования бурятских племен, а также их взаимоотношения с соседними этническими группами на примере сопоставления лексических параллелей бурятского языка с тунгусо-маньчжурскими и якутским языками.

Анализ лексических параллелей этих языков показывает, что общие лексические элементы бурятских и тунгусо-маньчжурских языков представляют собой не отдельные заимствования внутри этих языков, а органические системы, что позволяет считать данное обстоятельство результатом общности этих языков, свидетельством их близкого родства. Из сказанного следует, что бурятский язык близок к тунгусо-маньчжурским по происхождению: при языковых контактах обычно заимствуются именные слова, а наличие большого числа глаголов в этих трех языках говорит о близости их по происхождению. Таким образом, мнение, высказанное Н. Н. Поппе и В. И. Рассадным, о существовании некогда единого языкового и, соответственно, племенного союза монгольских и тунгусо-маньчжурских народов имеет объективные доказательства.

Ключевые слова: протомонгольские; тюркские; тунгусо-маньчжурские этнические группы; историко-языковые взаимосвязи.

Как известно, бурятский язык относится к группе монгольских, входящих в урало-алтайскую семью языков. Сторонники этого положения считают, что по своему происхождению урало-алтайские языки восходят к существовавшему в доисторические времена единому языку-источнику так же, как и все родственные языки на земном шаре. Они образовались в результате территориального разобщения некогда единого племенного языка или диалекта.

Венгерский языковед Бернат Мункачи в своей схеме, составленной еще в начале 20-го столетия, выделил в урало-алтайской семье языков две ветви: 1) западную или уральскую ветвь и 2) восточную или алтайскую ветвь. Впоследствии от алтайской ветви образовались две группы: 1) тунгусо-маньчжурская и 2) тюрко-монгольская. При этом Б. Мункачи возводил урало-алтайские языки к весьма отдаленному «древнему языковому типу» (*ostyus*), от которого отделились также корейский и японский языки [16].

В алтаистике нет единого мнения о дальнейшем ветвлении алтайского языка-основы. Б. Я. Владимирцов [4], Н. А. Баскаков [3] вслед за Б. Мункачи считают, что протоалтайский язык сначала разделился на две ветви: тюрко-монгольский язык-основу и тунгусо-маньчжурский язык-основу. Они считают, что монгольские языки ближе к тюркским языкам, чем к тунгусо-маньчжурским.

Финский лингвист Г. И. Рамстедт включает в алтайскую языковую общность корейский язык. Он считает, что предки монголов и тунгусов, по видимому, обитали в северной части, а предки тюрков и корейцев — в южной части алтайской языковой общности [9].

Н. Н. Поппе считает, что тунгусо-маньчжурские языки по своим фонетическим признакам ближе к монгольским языкам, нежели к тюркским [17]. Отсюда он делает вывод о том, что прототюркский язык очень рано отделился от других алтайских языков. После отделения тюркских языков монголо-маньчжуро-тунгусская языковая общность, по всей вероятности, существовала очень долго.

Основанием для того, чтобы возвести тюркские и монгольские языки к общему языку-основе, для Б. Я. Владимирцова и Н. А. Баскакова служило наличие общего лексического фонда в этих двух группах алтайских языков, а не фонетические или морфологические черты.

Основанием для объединения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в общий язык-основу в древнейший период их развития служили для Н. Н. Поппе, главным образом, фонетические признаки.

В. И. Рассадин выпустил книгу, посвященную взаимоотношениям монгольских и тюркских языков [11]. Кроме того, он сопоставил лексику монгольских языков с лексикой тунгусо-маньчжурских языков, где имеется «большое количество (около 2–2,5 тыс.) общих словарных элементов». Это обстоятельство позволило ему сделать вывод о том, что прав, вероятно, Н. Н. Поппе, а не Б. Я. Владимирцов. Расхождение во взглядах между ними В. И. Рассадин объясняет тем, что «наиболее изученными на сегодняшний день оказались взаимоотношения между тюркскими и монгольскими языками... Взаимодействие же монгольских и тунгусо-маньчжурских языков изучено намного слабее» [11, с. 34].

Некоторые результаты сопоставления В. И. Рассадин изложил в статье «О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках» [12]. Эти элементы он делит на 4 группы:

1. Лексика, предположительно, алтайского характера, т. е. слова общие как для тюркских, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.
2. Лексика монголо-тунгусо-маньчжурского характера.
3. Лексика монгольского происхождения в тунгусо-маньчжурских языках.
4. Лексика тунгусо-маньчжурского происхождения в монгольских языках.

В статье он пишет: «...наличие тунгусо-маньчжуризмов в монгольских языках, а также большого количества общих слов, составляющих, видимо, монголо-тунгусо-маньчжурскую общность, равно как и монголизмы в тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствуют в пользу предположения об общем происхождении этих двух групп языков и длительных контактов их носителей после распада общности. Именно такие корневые элементы убеждают в том, что эти языки (монгольские и тунгусо-маньчжурские) на раннем этапе своей эволюции длительное время развивались в составе единого языкового (соответственно, и племенного) союза, после распада которого взаимовлияние этих языков продолжалось, хотя, видимо, и не так интенсивно, как прежде.

Продолжение исследований в этом направлении многое могло бы прояснить в вопросе о межэтнических и других этнических связях монгольских и тунгусо-маньчжурских племен на разных этапах их исторического развития.

Лингвистический материал, в частности, подтверждает существование в прошлом монголо-тунгусо-маньчжурского племенного союза» [12, с. 150].

Полностью разделяя точку зрения В. И. Рассадина, мы, тем не менее, решили проиллюстрировать «общие словарные элементы» монгольских и тунгусо-маньчжурских языков конкретными примерами.

Для решения этой задачи мы сопоставили бурятско-эвенкийско-маньчжурские лексические параллели на материале сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков [14], выписав из него все слова, общие для этих трех языков. В указанном словаре отражается лексика 11 тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийского, солонского, эвенского, негидальского, ороцкого, удэйского, ульчского, орокского, нанайского, маньчжурского и чжурчженского). В конце словарных статей имеются пометки, указывающие на наличие параллелей этого слова в других языках, в том числе монгольских. Мы выписали эвенкийские и маньчжурские слова, имеющие параллели только в бурятском языке; слова, имеющие параллели в других монгольских языках (старомонгольском, современном монгольском, ойратском) не рассматривали.

Всего таких параллелей оказалось 988, из них:

1. 373 слова имеют параллели во всех трех языках.
2. 235 — только в бурятском и маньчжурском.
3. 380 — только в бурятском и эвенкийском.

Первая группа (373 слова), по-видимому, сохранилась со времен раннего этапа эволюции, когда монгольские и тунгусо-маньчжурские племена длительное время развивались в составе единого языкового (а, соответственно, и племенного) союза.

Вторая группа лексических параллелей (235 слов) возникла после того, как тунгусские племена ушли в таежную зону, а пастушеские племена монголов и маньчжуров продолжали контактировать между собой на своей прародине, возможно, в Маньчжурии.

Третья группа лексических параллелей (380 слов) возникла, по-видимому, когда предки бурят в составе других монгольских племен ушли на запад и оказались в Прибайкалье, где снова встретились со своими дальними родственниками — эвенками.

Бурятско-эвенкийские историко-языковые связи. Как известно, предки эвенков появились в Прибайкалье в т. н. «глазковское время» (XVII–XIII вв. до н. э.), т. е. в эпоху бронзового века примерно 3 800 лет назад. Вероятно, причиной их экспансии по тайге на запад и север был поиск новых охотничьих угодий. Поскольку они располагали металлическим оружием (бронза), то имели преимущество перед коренным населением региона (палеоазиатами, возможно, самодийцами), вооруженного каменными орудиями. Предки эвенков освоили огромную территорию тайги — от Амура до Ледовитого океана и почти до Урала.

Таким образом, они проживали в Прибайкалье почти за два тысячелетия до бурят; монголо-тунгусо-маньчжурский языковой и, возможно, племенной союз существовал до их выхода с Дальнего Востока, т. е. до XVIII в. до н. э.

Всего имеется, по нашим данным, 373 лексических параллели в трех языках (бурятском, маньчжурском и эвенкийском). Мы разделили эти слова по лексико-семантическим группам. В этих языках нет названий культурных растений, что говорит о том, что эти племена еще не занимались земледелием. Вместе с тем в них содержится около двадцати названий домашних жи-

вотных: адуун (скот), агта (мерин), азарга (жеребец), буха (бык), гунан (бычок трех лет), дүнжэн (корова четырех лет), жороо (иноходец), ямаан (коза), инзаган (козленок), эрье (кастрированный баран), хонин (овца), хуса (баран), хэнзэ (поздний ягненок), морин (лошадь), мэгэжэ (самка дикой свиньи), тугал (теленек), тэмээн (верблюд), унаган (жеребенок), үхэр (бык), элжэгэн (осел).

Разумеется, некоторые из этих слов могли попасть в эвенкийский язык через бурятский, но какая-то их часть, несомненно, является общим достоянием предков эвенков и бурят на их далекой прародине — Дальнем Востоке. В то время предки эвенков, по-видимому, были знакомы с зачатками скотоводства, но потом, удалившись в тайгу, потеряли эти навыки.

Прошло два тысячелетия (с XVIII в. до н. э. до сер. II в. н. э.), когда предки бурят, в составе войск сянбийского хана Таньшихая явились в Прибайкалье и вновь встретились со своими древними соседями — эвенками. Но поскольку предки бурят были скотоводами, то они занимали степную зону, а эвенки — как охотники — лесную. Они встречались, видимо, на границе лесостепи; возможно, их интересы сталкивались, но в целом каждый из них занимал свою экологическую нишу. С этого времени, т. е. со II в. возникли бурятско-эвенкийские лексические параллели, которых уже нет в маньчжурском языке. Таким образом, можно предположить, что имеется два этапа в образовании бурятско-эвенкийских языковых связей: первый — до XVIII в. до н. э., когда предки бурят и эвенков жили на Дальнем Востоке; второй — со II в. до наших дней, когда буряты и эвенки общались уже в Прибайкалье.

Бурятско-маньчжурские историко-языковые связи. Эти связи можно разделить на два этапа: первый — до XVIII в. до н. э., т. е. до ухода эвенков с Дальнего Востока, когда предки всех трех этнических групп жили по соседству. Свидетельством этому являются бурятско-эвенкийско-маньчжурские лексические параллели, второй этап — когда предки эвенков ушли на запад (XVIII в. до н. э.).

В этот период предки бурят находились еще на Дальнем Востоке в составе племен дунху и общались с маньчжурами, в результате чего возникли бурятско-маньчжурские лексические параллели. Среди них имеются названия культурных растений: арбай (ячмень), мэхээр (гречиха), будаа (просо, крупа). Это свидетельствует о появлении зачатков земледелия. Данный период закончился во II в., когда предки бурят в составе племен сянби ушли в Прибайкалье.

Бурятско-якутские лексические параллели. Якутский язык испытал сильнейшее влияние монгольских языков. Исследованию этого процесса посвящены работы В. В. Радлова [18], С. Калужинского [6], Н. К. Антонова [2] и других. Особенно большой вклад в освещение этого вопроса был сделан В. И. Рассадиным [10].

В. В. Радлов констатировал, что около 25,5% корней якутского языка имеют монгольское происхождение. В. И. Рассадин считает, что в якутском языке выявляется около 2 500 слов монгольского происхождения [11]. По-видимому, контакты предков якутов с монголоязычными племенами происходили в Прибайкалье и позже, когда они переселились на среднюю Лену.

В работе якутских лингвистов Н. Е. Петрова, П. А. Слепцова, П. П. Барашкова [8] приводится список слов, которые, по их мнению, вошли из монгольских языков в активную лексику современного якутского языка.

Изучение слов монгольского происхождения представляет большой интерес для исследования истории как самих якутов, так и истории монгольских народов; ибо в языке отражаются культурные и иные связи данных народов.

Особое место среди этнических групп, вошедших в состав якутской народности, принадлежит загадочным хоринцам (или хоро, хоролорам), которые резко выделяются среди всех остальных. Предком хоро считают старца Улуу-хоро. В одном предании он назван старшим братом жены Омогоя. В других легендах он выступает совершенно независимо. Говорится, что он прибыл на быстроногом быке; с ним было много людей и скота. Не сумев переправиться на быке через глубокую реку Алдан, он назвал ее «Алдан со смердящим запахом». По другим преданиям, Улуу-хоро предсказал, что Алдан никогда не обмелеет.

Остановившись в местности Мюрю, он решил устроить там ысыах (празднество). Но старожил этой местности Бэрт хара зажег бересту и, прикрепив ее к стреле, выстрелил во двор Улуу-хоро. Испуганный Улуу-хоро бежал на правый берег Лены, к нынешнему Якутску. Там и размножились его потомки-хоринцы, попавшие позднее в зависимость от кангаласского вождя Тыгына.

Люди племени хоро издавна жили в Кангаласском, Маганском, Намском, Баягантайском, Мегинском, Баторусском, Верхне-Вилуйском, Суптарском улусах, а также в Олекминском, Колымском и других округах [5].

Несмотря на то, что хоро считались людьми чисто якутской крови, о былой этнической самостоятельности древних хоринцев-хоролоров свидетельствует якутский фольклор, в котором упоминается особый язык, непонятный остальным якутам. Например, известна поговорка: «Не говори по-хорински, говори по-якутски». Также бытуют рассказы о некоторых шаманах и стариках, говорящих будто бы на особом «хоринском языке». Хоринцы были окружены атмосферой колдовского могущества и чар. Предок их, Улуу-хоро считался покровителем огнива и кремня. Для высекания огня как средства против сыпи у новорожденных призывался «человек из хоринского рода, т. е. происходящий от ведуна или знахаря». Обращаясь к огню, восклицали: «Сверкай, сверкай, сияй, сияй! Хоринский род, хоринский род!».

Хоро-сирэ, родина хоро, по якутским преданиям, была на юге, в теплой стране, откуда в Якутию прилетают птицы. В одной из якутских загадок сказано: «Хоронойская дочь говорит — дошла бы я в южную сторону (дым)», в другой — «Хоронойская девица уехала в Китай (дым выходит из трубы)» [5, с. 353].

В этой южной стране водились верблюды — хоро тибизэн; оттуда происходили коралловые и жемчужные ожерелья. Судя по загадке, страна хоро была близка к Китаю. Может быть, она была по соседству с землей древних киданей. Самых хоролоров в Якутии различные исследователи неоднократно объединяли с хори-бурятами Забайкалья.

К северу от киданей обитала группа древнемонгольских племен шивей, родственная киданям. Впервые племя шивей становится известным в VI в. и упоминается в летописи Бэй-ши в 544 г. [13, с. 106]. В «Суй-шу» («Старая Танская история») сказано: «Шивей — особый род киданей, особое племя киданей, на северной границе дун-ху, это потомки динлинов». В литературе нет единого мнения о месте расселения шивей. Но можно предположить, что они, по-видимому, занимали территорию Забайкалья, почти до самого Байка-

ла. Одно из шивейских племен — шенмохын-шивей — проживало в бассейне реки Шилки, по имени которой и получило название (Шенмохын — китайское наименование реки Шилки).

Китайские летописи разделяют шивей на две группы: шивей и большие шивей, живущие к северо-западу от шенмохын-шивей на расстоянии в несколько тысяч ли. Площадь расселения «больших шивей» настолько велика, что в нее входит не только Забайкалье, но и часть Якутии и Иркутской области. Вероятно, в VI в. шенмохын-шивей в поисках новых пастбищ с верховьев Шилки попали в бассейн Лены.

Г. Н. Румянцев считает, что «хор» было общим наименованием большой группы древних протомонгольских племен, расселившихся на обширном пространстве от Прибайкалья до Восточной Монголии [13, с. 107–108].

Языковед Н. К. Антонов считает, что первоначально территорию современной Якутии заселили монгольские племена, и уже позднее к ним присоединились якутские племена. Так, он пишет: «...монголыязычные племена, жившие оседло с древнейших времен по верховьям Амура (вплоть до территории Якутии), в бассейне рек Шилки и Онона, могли передать свои навыки и терминологию оседлого скотоводства пришедшим на север тюркоязычным племенам, предкам якутов, исконным степнякам-кочевникам, подобно навыкам и терминологии по освоению северной таежной природы...» [1, с. 213]. В другой работе Н. К. Антонов отмечает: «Создается впечатление, что у якутов во времена первого соприкосновения с северной таежной природой не было необходимости создавать свою самобытную лесную терминологию. Они оказались среди монголыязычных племен, от которых восприняли готовую терминологию по хозяйственному освоению северной природы. По-видимому, это произошло в те времена, когда часть тюркских племен, вытесненная с монгольских и забайкальских степей, оказалась на Севере, в лесной зоне, среди монголыязычных искони северных полуоседлых племен» [2, с. 27–28].

Краткие рассказы о существовании на средней Лене до прибытия сюда первых, собственно, якутских переселенцев какого-то другого скотоводческого народа подкрепляются также и некоторыми фольклорными свидетельствами.

По одним вариантам саги об Омогое, живя около озера Сайсары, он разводил приведенный с собой скот. По другим же — люди Омогоя нашли скот на месте; сначала с Ытык-хая привели пеструю, как шмель, стельную трехтравную корову; затем с южной Ытык-хая привели четырехтравную жеребую кобылу.

О происхождении скота Омогой-бая в другой легенде рассказывается, что Элэй спросил, откуда его скот, привел ли он его с собой или получил на месте. Омогой ответил: «Нет, скот нашел здесь, в этой стране. Прибыв сюда без скота, сильно плакал и огорчался. Я умолял свои божества ниспослать мне коров и лошадей. Однажды позади Южной Священной горы нашел я двух жеребят: самку и самца; потом на Северной Священной горе нашел двух телят, тоже самку и самца. От них произошел мой скот». По-видимому, на плоту Омогой не смог перевезти скот с Верхней Лены, а получил его у хоролоров.

Изложенное позволяет предположить, что монголыязычные предки хоролоров пришли в Якутию в VI в., задолго до предков якутов и были ассимилированы последними.

Е. И. Убрятова находит, что население «акающих» районов центральной части Якутии относится к монголыязычной группе. Монголыязычное население

ние этой территории, перейдя на якутский язык, некоторое время сохраняло особенности фонетики монгольских языков (своеобразный монгольский акцент). Несомненно, возникновение якутского «аканья» исторически связано с монгольскими языками [15, с. 42].

Одни специалисты по алтайским языкам считают, что монгольские языки ближе к тюркским, другие — к тунгусо-маньчжурским языкам. Мы, рассмотрев лексические параллели бурятского языка с маньчжурским, эвенкийским и якутским языками, пришли к выводу о том, что бурятский язык ближе к тунгусо-маньчжурским языкам.

Это позволяет предположить, что далекие предки бурят были соседями маньчжуров, эвенков и якутов.

Анализ лексических параллелей этих языков показывает, что общие лексические элементы бурятских и тунгусо-маньчжурских языков представляют собой не отдельные заимствования внутри этих языков, а органические системы, что позволяет считать данное обстоятельство результатом общности этих языков, свидетельством их близкого родства.

Из сказанного следует, что бурятский язык близок к тунгусо-маньчжурским по происхождению: при языковых контактах обычно заимствуются именные слова, а наличие большого числа глаголов в этих трех языках говорит о близости их по происхождению.

Таким образом, мы присоединяемся к точке зрения, высказанной Н. Н. Поппе и В. И. Рассадным о существовании некогда единого языкового (и, соответственно, племенного) союза монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Мы считаем, что необходимо уточнить урало-алтайскую гипотезу новыми данными: эти языки делятся не на две, а на три группы.

1. Западная группа. К ней относятся уральские языки (т. е. угро-финские).
2. Центральная группа. К ней относятся алтайские (т. е. тюркские) языки.
3. Восточная группа. К ней относятся монгольские, тунгусо-маньчжурские языки. По-видимому, к этой группе относятся еще корейский и японский языки.

Г. Ф. Миллер [7] кладет в основу этнической классификации лингвистический принцип. Следуя этому «подлинному знаку разделения народов, а именно их языку», необходимо признать, что предки монгольских народов, в том числе бурят, пришли с востока.

Литература

1. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 176 с.
2. Антонов Н. К. О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения // Труды историко-филологического факультета Якутского государственного университета). 1966. Вып. 1. С. 207–214.
3. Баскаков Н. А. Тюркские языки // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
4. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929. 443 с.
5. История Якутской АССР. М.; Л., 1955.
6. Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды института языка, литературы и истории. Якутск, 1961. № 3(8). С. 5–21.
7. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 274 с.

8. Петров Н. Е., Слепцов П. А., Барашков П. П. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск, 1971. 141 с.
9. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. 254 с.
10. Рассадин В. И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. 294 с.
11. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980. 69 с.
12. Рассадин В. И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Новосибирск, 1989. С. 145–152.
13. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962. 265 с.
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975–1977. Т. 1–2; Л., 1975–1977.
15. Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка некоторых районов Якутской АССР. М., 1960. 147 с.
16. Munkacsı B. Az ural-altaji nepek // Egyetemes Irodalomtörténet, 4. Budapest, 1911. С 1–68.
17. Poppe N. Vergleichende Grammatic der Altaischen Sprachen, 1. Wiesbaden, 1960. 256 с.
18. Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem verhältnisse zu den Türk sprachen // Зап. Имп. академии наук. СПб., 1908. Т. VIII, № 7. 86 с.

FEATURES OF INTERACTION BETWEEN THE BURYAT, TUNGUS-MANCHU AND YAKUT ETHNIC GROUPS (THE HISTORICAL AND LINGUISTIC ASPECT)

Boris V. Zolkhoev

Buryat State University

24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper is dedicated to the issues of appearance of protomongolian ethnic groups in the Baikal region. The cultural and historical processes among the aboriginal people of Baikal area are analyzed. Ethnogenesis of the Buryat tribes, as well as their relationships with neighboring ethnic groups basing on comparing lexical parallels within the Buryat language and the Tungus-Manchu and the Yakut languages are considered in detail.

An analysis of the lexical parallels of these languages shows that the general lexical elements of the Buryat and Tungus-Manchu languages are not separate borrowings within these languages, but organic systems, which makes it possible to consider this circumstance as a result of the commonality of these languages, a testimony of their close kinship. From what has been said, it follows that the Buryat language is close to the Tungus-Manchu language: by language contacts, nominal words are usually borrowed, and the presence of a large number of verbs in these three languages speaks of their similarity in origin. Thus, the opinion expressed by N. Poppe and V. Rassadin about the existence in the past of the linguistic and tribal union of the Mongol and Tungus-Manchu peoples has objective evidence.

Keywords: Protomongolian; Yakut; Tungus-Manchu ethnic groups; historical and linguistic ties.